

ЧТО-ТО С ПАМЯТЬЮ МОЕЙ СТАЛО...

Олег Кильдюшов

Соседи России изобретают «политически правильное» прошлое

Автор около мемориала «Жертвам голодомора-геноцида 1932—1933 гг.». Киев, 2009 г.

Те, кто не может вспомнить прошлое, приговорены к тому, чтобы сперва его выдумать.

Мартин Хайдеггер

Годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне обострила чувствительность определенной части российской публики к тем примечательным дискурсивным процессам, что протекают у наших ближайших соседей в связи с событиями Второй мировой войны. В странах ближнего зарубежья, — словно следуя завету Сократа о том, что знание есть припоминание, — активно стремятся «вспомнить» историю в политически нужном свете. Попытаемся в этом небольшом обзор-

ре — помимо чисто исторических — обсудить некоторые политические и даже философские аспекты политики памяти, проводимой элитами бывших республик СССР.

Борьба за историческую память: философский аспект

Активное изобретение исторических нарративов, осуществляемое культур-предпринимателями в странах восточноевропейского региона, представляет интерес не только для геополитического анализа, но и философии релевантно для проблемы конституирования политических сообществ или *мы-групп*. С точки зрения теории действия, автономные

личности всегда мыслят, говорят и действуют в рамках определенного сообщества действия. Таким образом, они обусловлены посредством *мы-группы* свободных персон, а не просто другими отдельными акторами в каждой конкретной ситуации действия. Отсюда вытекает не только банальный вопрос о конститутивном характере взаимного признания участников данной *мы-группы*, но и более сложный вопрос о том, кого мы рассматриваем в качестве заслуживающего солидарной поддержки и помощи в случае, когда кто-то оказывается под воздействием чуждых решений. Речь, по сути, идет о границе *мы-группы*! На разрушение или смещение этих границ и направлена политика памяти, проводимая нашими конкурентами на территории исторической России. Именно для этого правящие режимы, например, на Украине, в Грузии и Прибалтике тенденциозно интерпретируют трагические страницы прошлого, политизируют ситуацию вокруг памятников, провоцируя раскол внутри собственного общества. Именно в этой перспективе следует толковать такие явления, как «война памятников» и «война памяти».

Эта дискурсивная борьба распространяется и на все критерии и нормы научного, рационального, истинного: всегда предполагается готовность со стороны определенной группы лиц соотносить себя, свое действие или бездействие с предикатами «правильный», «справедливый», «разумный» и т.д.

Таким образом, проблема групповой самоидентификации смещается к вопросу о том, к какой *мы-группе* мы хотим себя относить, что, в свою очередь, означает следующий вопрос: людьми какого рода мы хотели бы быть, т.е. в каких конститутивных для любого человека условиях сообщества *мы-группы* мы хотели бы жить.

При этом также речь идет об определенных способах организации и легитимации общественных отношений внутри уже существующего сообщества или, как говорят немцы,

*Schicksalgemeinschaft*¹. В то же время нашим «историческим» оппонентам не стоит заблуждаться относительно возможности произвольного конструирования форм коллективной идентичности вместе с их механизмами включения/исключения. Так что, как говорил Иван Тургенев, «мы еще повоюем»!

Националистические историографии в «борьбе за угнетенное прошлое»

Как уже говорилось, на фоне юбилейной даты не замечать «интеллектуального креатива» у наших соседей просто невозможно — иногда хотя бы по причине потрясающих воображение «исторических» откровений и просто экзотических конструкций, производимых культур-предпринимателями стран, еще недавно равноправно входивших в семью народов СССР на правах «младших братьев». По идее, за 20 лет можно было бы и повзрослеть, но как показывает даже беглый обзор достижений стран Восточной Европы в сфере исторической политики, этого так и не произошло: их интеллектуальные элиты как бы застряли в подростковом возрасте. Причем, по мнению некоторых «злопыхателей», часто подобный дискурсивный инфантилизм вовсе не случаен, а вполне изоморфен по отношению к тем незавидным геополитическим ролям, которые были уготовлены этим странам в рамках — еще недавно казавшегося незыблемым — «Вашингтонского консенсуса». Т.е. «переигрывание» истории происходит здесь по тем сценариям, которые соответствуют представлениям национальных элит о задачах формирования «своих» государств (как звеньев лимитрофной цепи).

Естественно, что научная истина в период «воспаления этничности» стала первой жертвой подобной политики памяти.

Как и в любом другом случае альтернативной истории, здесь можно было ограничиться усмешкой по поводу очередных фриков от историографии, которых хватает и у нас. Но здесь есть одно «но»: политическая

прагматика подобного историописания бывших братских республик нацелена на переформатирование культурной идентичности акторов, в большинстве своем все еще разделяющих с нами общие культурные смыслы.

То, что здесь не соскучишься, было известно профессиональным историкам давно. Так, ими давно отмечалось резкое снижение общего научного уровня локальных историографий, что не удивительно на фоне попыток героизации собственного прошлого, «удревнения» своей государственности, завышения уровня развития этносов и в целом самоутверждения за счет своих соседей, не говоря уже о создании собственного пантеона выдающихся деятелей, по многим из которых плачет Нюрнбергский трибунал.

При этом бросается в глаза одна неприятная особенность: единственным средством проводить хоть какую-то целенаправленную политику и консолидировать элиту и избирателей власти многих стран Восточной Европы считают внешне- и культурно-политические провокации в отношении России.

Примером здесь служат «исторические инициативы» официальной Варшавы, Таллина и, к сожалению, Киева по «отмечанию» очередных дат военно-политического календаря. Редактор сравнительного исследования «Национальные истории на постсоветском пространстве — II» Геннадий Бордюгов отмечает, что у элит восточноевропейских стран был довольно широкий диапазон для маркирования ролей своих ближайших соседей, включая Россию, — «враг — чужой — другой — иной — друг — брат». Но даже с учетом некоторых изменений в национальных историографиях этих стран, по словам исследователя, «это не означало, что исчезло стремление правящих элит отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР, что история перестала быть инструментом политики».

Шествие легионеров СС и сочувствующих. Рига, 16 марта 2010 г.

Общую дилемму всех реваншистов от истории точно сформулировал известный историк-антирRevisionист Александр Дюков: «Когда пытаются создать каких-то новых, несоветских героев периода Великой Отечественной — независимо от того, происходит ли это у нас, на Украине или в Прибалтике, — выясняется, что других людей, кроме предателей, других несоветских, нет. Приходится делать национальных героев из того, что есть. А есть только предатели».

Восточная Европа: выставка реваншистских достижений

Из всех стран региона в республиках Прибалтики (наряду с Польшей) проводится наиболее последовательная «политика памяти». В целом она сводится к официальной концепции «трех оккупаций». В соответствии с ней все русские здесь также рассматриваются в качестве оккупантов и их потомков. Все это имеет непосредственное влияние на локальные дебаты о Второй мировой войне. Здесь стало популярно сравнивать, кто убил больше людей — Красная армия в 1940—1941 гг. или немецкие оккупанты с 1941-го по 1944-й. Так, по данным

¹ Нем. *Schicksalgemeinschaft* — сообщество с единой судьбой.

депутата Европарламента от Латвии Крестовского первенство тут на стороне русских. И хотя доля русскоязычных жителей может доходить до половины населения страны, это никак не повлияло на прибалтийскую версию «истории». Признать то, что ее невозможно навязать значительной части населения, поскольку речь идет о двухобцидном характере этих стран, было бы слишком просто для столь творческих людей, коими являются многие персонажи местной политической сцены. Поэтому значительная часть прибалтийских элит выбрала более оригинальный путь: сделать вид, что права «неправильной части» населения страны на свою историю как бы не существует.

Так, в «фашистских» Эстонии и Латвии проявился поразительный для демократий (к тому же считающих себя европейскими) эффект, когда не люди формируют государство, а государство само выбирает из населения тех, кто достоин считаться политическим народом, т.е. суверенном. Как известно, значительная часть наших соотечественников так и не удостоилась чести стать его частью...

Таким образом, в Прибалтике имеет место тот интересный с точки зрения теории действия случай, когда группа «законодателей» (вроде идеологически чуждых для значительной части населения власти интерпретаторов истории) уже не совпадает с группой тех, на кого распространяются данные установления, — т.е. с группой «подданных». Ведь любое требование лояльности (к официальным истинам) содержит в себе скрытую предпосылку, которую в грубой форме можно представить в виде: «ты должен делать X, если ты стремишься и дальше относиться к нам», т.е. к *мы*-группе. Т.е. помимо лояльного поведения оно содержит скрытое указание на это *мы*. Стоит ли говорить, что ключевым здесь является вопрос о том, кто утврждает и кто признает нормы: в случае идеальной демократии, т.е. полного совпадения, подобное установление норм является «*мы*-ав-

тономным» (что, конечно же, представляет собой идеальный случай). Как известно, именно в подобной *мы*-автономии Гоббс и Кант видели единственное основание для признания любого правового или морального порядка. Официально Евросоюз, конечно, разделяет мнение классиков, но это никак не проявляется в его практических действиях в отношении проблемы «негров» (неграждан), не говоря уже об официальном чествовании властями прибалтийских республик фашистских коллаборантов. Брюссель обычно делает вид, что ничего не происходит. Видимо, приоритеты у наших западных «партнеров» здесь совсем иные.

Для этнических предпринимателей из (западной) **Украины** историческая политика прибалтийских этнократий является образцом. Они также всю используют имеющиеся ресурсы государства для перекодирования исторической памяти страны. На это работали не только карманные историки, прикормленные оранжевым режимом (Ю. Шаповал, С. Кульчицкий, В. Сергийчук и др.), но также по польскому образцу были сформированы специальные госструктуры для промывки мозгов несознательному населению, вроде «Украинского института национальной памяти» во главе с фризиком-теоретиком Игорем Юхновским. Спецподразделения для ведения Kulturkampf'a со всем русским и советским были также созданы в структуре президентского секретариата и Службы безопасности. Как известно, «лебединой песней» почитателя Бандеры Виктора Ющенко стало присвоение своему кумиру звания «Герой Украины». Забавно, что уходящий президент не заметил иронии истории, когда присудил вождю украинских нацистов награду, являющуюся актуальным субститутом звания «Герой Советского Союза»!

Несмотря на недавнюю смену власти на Украине, попытки бандеризации сознания продолжают, причем даже в юго-восточной части страны!

Например, речь идет о защите «геройского» статуса Бандеры посредством неких инициативных групп молодежи, оболваненной национа-

Немецкий агитационный плакат времен ВОВ, распространявшийся на территории Украины

листической пропагандой оранжевых. Причиной этому является интеллектуальная и организационная неспособность местной элиты сформулировать полноценный альтернативный проект «Русская Украина», соответствующий интересам и чаяниям той части большой русской нации, что осталась за российско-украинской границей. «Восточные» политики и интеллектуалы оказались не в состоянии конкурировать в дискурсивной сфере с галицийскими «интегральными» и прочими националистами, а также с примкнувшими к ним киевскими деятелями. Поэтому русские и русскоязычные жители Украины (пока) обречены жить в официальном государстве «галицаев» и «УПА-рышей», не скрывающих своей ненависти к России и всему с ней связанному. На свою беду, многие из наших соотечественников в условиях разделенной русской нации стали беззащитными жертвами непрерывной промывки мозгов со стороны идеологической машины, созданной евробандеровцами за государственный, т.е. их же счет. Одним словом, русской Украине открыто навязывается совершенно чуждая ей перспектива «мучеников борьбы за независимость», отточенная за десятилетия в бандеровском подполье, «научных» центрах диаспоры в Мюнхене или за океаном. Посмотрим, что

новые украинские власти смогут предложить в качестве альтернативы дискурсу made in Canada. Еще один большой вопрос, захотят ли...

Ясно одно: несмотря на очевидные несуразности, что несут киевские и львовские «культур-предприниматели» в своих исторических откровениях, следует понимать опасность такой «гуманитарной политики» для будущего русского мира, пребывающего ныне в разделенном состоянии.

Все эти «научные открытия» по поводу нашего недавнего прошлого à la Ющенко вовсе не безобидны: как известно, миллионы школьных учебников не могут ошибаться, поскольку именно они закладывают основу совместно разделяемого знания. Так что уже очень скоро подобные, казалось бы, очевидные нелепости станут идеологической основой существования враждебного государства у нас под боком.

В этом смысле исторические «изыскания» необандеровцев идут параллельно с политическим строительством антирусского проекта (*Украина как Польша-2*). В то же время недавние выборы показали, что более половины населения оказалось не готово жить в государстве, все более вырождающемся в этнофундаменталистскую диктатуру протонацистского толка. Наивным может даже показаться, что эта угроза уже миновала. Однако пока у нас нет никаких оснований так считать. С другой стороны, здесь показательна активность Европарламента, «внезапно» возмущившегося героизацией оранжевой кликой нацистского приспешника Степана Бандеры. Это явный «пас» Виктору Януковичу...

Молдавия. Директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян при посещении этой страны был поражен успехами молдавских ревизионистов на службе политической конъюнктуры. Ведь от них он узнал, например, такие новости: Молдавия не принимала участия в Великой Отечественной, а лишь во Второй мировой. Естественно, здесь не в чести сам термин «Победа». Еще бы, ведь новые, «демократические» власти в лице и.о. президента Михая Гимпу создали «комиссию по

Местное население встречает немецкие войска. Украина, июнь–июль 1941 г.

изучению и оценке тоталитарного коммунистического прошлого». Предполагается, что вслед за политико-правовой оценкой последуют предложения по «практическому использованию выводов». Что это означает конкретно, все уже видели по войне с памятниками в других странах Восточной Европы. Далее в списке запрет фильмов на русском языке, закрытие русскоязычных радиостанций («Наше радио» и др.), переименование улиц (главные кандидаты – улица Пушкина и Московский проспект) и т.п. Но сверхидея националистов заключается в том, чтобы молдаване изменили свою идентичность на румынскую, поскольку все молдавское для них слишком напоминает об общем прошлом с русским и советским. И это при том, что, по данным опросов, румынами себя называют не более 3% жителей республики!

Узбекистан. Борьба с общей памятью и памятниками докатилась и до Средней Азии, где местные автократы обычно консервативно подходят к таким вещам, как историческое наследие. Исключением здесь, конечно, был экзотический даже по региональным меркам режим туркменского диктатора Сапармурата Ниязова, реализовывавшего толь-

ко ему одному понятную политику «воспоминания» о том, чего не было.

И вот на путь Туркменбаши стал «большой друг России» Ислам Каримов. Примечательно, что он пошел гораздо дальше эстонских ревизионистов – если те в 2007 году «лишь» перенесли «Бронзового солдата» из центра Ревеля на воинское кладбище, то узбекские власти попросту уничтожили монумент советскому солдату, разрезав его на куски в ночь на 22 ноября 2009 года.

Из Парка боевой славы Ташкента также были удалены «катюши», танки и другая боевая техника. В комментарии анонима из Минобороны Узбекистана этот акт государственного вандализма объяснялся тем, что данные артефакты не совпадают с актуальной концепцией истории. Такой вот своеобразный вклад Узбекистана в исполнение решения глав СНГ о совместном праздновании юбилея! В этом смысле союзник РФ по ОДКБ Каримов оказался по одну сторону баррикад с маниакальным Саакашвили, опозорившим **Грузию** подрывом мемориала воинской славы в Кутаиси 19 декабря 2009 года.

Коллаборационизм в XIII веке: боярин сдает Новгород псам-рыцарям. Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский», 1938 г.

Однако в этой печальной истории поражают не столько действия очередного среднеазиатского самодура, сколько отсутствие таковых со стороны официальной Москвы. Не считать же подобными шагами небольшой сюжет в «Вестях» или нелепые заявления движения «Нашии». Видимо, и здесь иные приоритеты...

Да что там Узбекистан, если даже в союзной РФ **Белоруссии** существует определенный ревизионистский потенциал, который всегда может быть использован батюшкой Лукашенко, оппортунизм которого неоднократно подтверждался рядом его русофобских выходов и жестов. Хотя в интеллектуальном сообществе братской страны, слава Богу, носители «беларуской идеи» пока маргинальны. Они сконцентрированы в основном вокруг таких структур, как *Беларускі Калегіум*. Также подобные идеи распространены среди преподавателей оплота местных националистов в образовании — Белорусского государственного университета культуры и искусств. Их ресурсы ничтожны, а идеи смехотворны. Это если судить по шедеврам издательской продукции местных нациков вроде альманаха «Деды. Дайджест публика-

ций о белорусской истории» (тираж 150 экз.). Но это пока — ради сохранения своего обанкротившегося режима батюшка готов шантажировать РФ чем угодно, даже сакральной для белорусов памятью о партизанском движении. Так, пару лет назад, заявляя о невозможности вхождения Белоруссии в состав России, он прямо угрожал нам «новой Чечней на западе России». Адекватнее всего всю нелепость ситуации передал современный классик русской поэзии Всеволод Емелин:

*Распоясался паразит,
Развалясь валяжно на стуле,
Он солдатам нашим грозит
Партизанской коварной пулей.*

*И пусть тоже усат как морж,
Оппозиция им подавлена,
Все равно ни хера не похож
Он на маршала Сталина.*

*У него есть проблемы с мозгом,
Если думает, что у стенки
Партизан будет гибнуть с лозунгом -
Умираю за Лукашенко!*

Все на борьбу с фальсификацией!

Создание президентом комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России вызвало превентивный

визг у определенной части публики. Даже многие высокопоставленные руководители академической науки, задействованные в подготовке 65-летия Победы, выражали скорее свою обеспокоенность попытками «возрождения сталинизма» и «введения каких бы то ни было вненаучных установок со стороны власти». С одной стороны, это вполне объяснимо печальным опытом, накопленным нашим гуманитарным знанием в этой сфере. С другой стороны, приходится только сожалеть, что некоторые академики не увидели в этом проявлении интереса «властей предрежащих» к истории шанса на восстановление субъектности России в деле интерпретации собственного прошлого после двух позорных десятилетий в качестве объекта чужих «исторических политик». Более того, в рамках нового подхода эти последние сами должны стать предметом пристального изучения со стороны российских ученых. Именно об этом говорил директор фонда «Историческая память» А. Дюков в одном из своих интервью, отвечая на вопрос о деятельности президентской комиссии: «Одной из главных задач в области исторической политики и, соответственно, одной из главных задач комиссии мне представляется формирование научной школы изучения истории наших бывших советских республик и бывших стран Организации Варшавского договора. Ситуация здесь поистине катастрофическая: специалистов в этой области можно пересчитать по пальцам. Количество изданий по данной тематике ничтожно. Пока существует такое положение дел, мы не сможем на государственном уровне противодействовать фальсификациям, которую ведут организации, специально созданные для этого за рубежом, — потому что «бог» на стороне больших батальонов». Добавить тут просто нечего.

á

«А когда весь мир окажется перенаселенным, тогда остается как самое последнее средство война».
Томас Гоббс, «Левиафан»